

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(Пушкинский Дом)

**КНИЖНЫЕ ЦЕНТРЫ
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

**Кирилло-Белозерский
монастырь**

Отв. редактор С. А. Семячко

1395986

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ
2008.

**КНИЖНИК АЛЕКСАНДР-ОЛЕШКА ПАЛКИН
И ОБЩЕЖИТЕЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ
В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ
ПРИ ИГУМЕНЕ ТРИФОНЕ (1430—1440-е гг.):
К ВОПРОСУ О ПРАВОСЛАВНОЙ МОНАШЕСКОЙ
ОБРАЗОВАННОСТИ ***

Кирилло-Белозерский монастырь в период с 1435 до 1448 г. перетерпел большие изменения. После Христофора (ум. 4 марта или 14 мая 1434 г.)¹ и Логина обителью более десятка лет управлял прибывший из «внешнего мира» Трифон (1435–1447 гг.).² Он был монахом связанного с Афоном Спасо-Каменного монастыря³ и не имел никаких отношений ни к Кириллову монастырю, ни к его преподобному основателю. Новый игумен установил в монастыре строгий общежительный режим: он обязал монахов следовать общинной дисциплине монастыря и в то же время усилил институциональные связи монастыря с внешним миром. «Великие старцы», которые помнили жизнь при Кирилле и его учениках, не раз восставали против этих нововведений, и их протесты в конце концов привели к уходу Трифона с должности игумена. Тем не менее деятельность старцев стала со временем, как кажется, более «рациональной». Они стали действовать в согласии с игуменом в отношении мирских дел и получили право голоса в управлении монастырем. Установление в монастыре общежительных порядков и дисциплины на нижних уровнях, непосредственное участие в мирских делах членов груп-

---

* Перевод с англ. И. Якуниной. Автор признателен коллеге Ю. В. Артамоновой за стилистическую помощь и критику.

¹ Ср.: *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 55; *Никольский Н. К.* Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI вв. и в начале XVII-го // Христианское чтение. 1907. Август. С. 164, сн. 1.

² См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1958. Т. 2. С. 694; ср.: *Строев П.* Списки... Стб. 55.

³ См. приписку к списку РНБ, собр. Погодина, № 989 (ниже).

пы избранных привели к тому, что в монастырь стал проникать сверху вниз определенный уклад, который оказывал огромное влияние на педагогику и на интерпретационные принципы (герменевтику). Рациональные социальные структуры общежительного режима заменили устаревшие индивидуальные связи между наставником и учеником. Старцы стали все более активно участвовать в повседневной деятельности монастыря, при этом все больше отдаляясь от традиционных педагогических взаимоотношений.⁴ Все это привело к напряженности в скитской педагогике духовного наставничества. Но в то же время рационализация и иерархия в отношениях между монахами отразились в рациональном подходе к книгам, их чтению и толкованию. Поступление новых, более сложных книг и указаний к их прочтению и влияние «постороннего» игумена способствовали этому процессу. Кирилло-белозерский книжник и учитель Александр-Олешка Палкин (1426 — 1449 гг.) — выдающийся представитель новой педагогики и герменевтики.⁵

БЕЛЬЦЫ И СТАРЦЫ ПРИ ТРИФОНЕ

Общежительный режим, введенный в Кирилловом монастыре, имел разное значение для послушников на различных этапах их монашеской «карьеры». Агиобиографические тексты и другие документы позволяют восстановить промежуточные моменты жизни послушника (возможно, называемого «белец» в документах трифоновской эпохи),⁶ который, будучи пострижен, становится монахом и впоследствии старцем. Эти фигуры являются ключевыми в педагогических отношениях между монахами, так называемыми учениками и учителями, и по отношению к ним герменевтический вопрос встает с наибольшей ясностью. Рассмотрим ситуацию с бельцами. Острое несоответствие наблюдается между опытом молодого Мартиниана Белозерского, который попал в обитель при Кирилле в возрасте приблизительно 10 лет, и Александра Ошевенского (Алексея), который появился в монастыре 18-летним юношей в 1445 г. при

---

⁴ См.: *Romanchuk R.* The Textual Community of the Kirillo-Belozerskii Monastery, 1397—1492. Ph. D. Dissertation, Department of Slavic Languages and Literatures, University of California — Los Angeles. Los Angeles, 1999. P. 189—234.

⁵ См. также: *Никольский Н. К.* Рукописная книжность древнерусских библиотек: Материалы для Словаря книжников, писцов, переводчиков и книгохранителей (XI—XVII вв.). СПб., 1904. Вып. 1: А—Б. С. 34.

⁶ См.: *Акты социально-экономической истории... Т. 2. С. 58 (№ 96); см. также: Toucas-Bouteau M.* Le monastère Saint Cyrille du lac Blanc, centre spirituel, économique, culturel et social de la fin du XIVème siècle au début du XVIème. Thèse de doctorat, Université Michel de Montaigne, Bordeaux III, Département d'Études Slaves, Centre d'Études et de Recherches sur les Civilisations Slaves. Bordeaux, 1995. P. 464.

Трифоне. Оба они были приняты игуменом в ранг новичков,⁷ и оба учились у монастырского писца (*дьяка*): Мартиниана обучал «Олеш Павловъ, диакъ монастырский»,⁸ а Алексея — «некий дьяк, разумный и искусный ведущий писания Божественная».⁹ Здесь сходство заканчивается: Мартиниан, закончив обучение, вернулся к Кириллу и был пострижен в очень юном возрасте, сразу же войдя в духовные отношения с ним. Алексей же пострига ожидал через 3 года (в 21 год). В действительности, ему пришлось ждать до 25 лет, т. е. в общей сложности 7 лет.¹⁰ Одежда бельцов отличалась от монашеской: они носили богатый наряд, «червлены и багряны и иными различными цветы украшенный», которым Алексей гордился перед своим отцом.¹¹ Очевидно, что новички жили отдельно от своих постриженных собратьев (возможно, в отдельном общежитии под присмотром надзирателей), где их поили и кормили.¹² Во время продолженного периода инициации новички фактически приравнивались к не постриженной в монахи обслуге и выполняли те же работы (*служба*).¹³ После пострига новый монах работал в пекарне, амбаре или на кухне, после чего он получал постоянное место в низовых экономических общежительных должностях.¹⁴

Опыт бельца Алексея-Александра свидетельствует о ряде нововведений, практически все из которых имеют аналогии в византийской киновии.¹⁵ При Кирилле любой белец, особенно талантливый, после обучения грамоте мог ожидать почти немедленного пострига (возможно, такая практика существовала не всегда, и, вероятно, эта возможность была открыта только людям, решившим посвятить себя монашеству). Безбородые монахи, которые, как правило, жили со

---

⁷ О Житии Мартиниана см.: Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские / Изд. подгот. Г. М. Прохоровым, Е. Г. Водолазкинским и Е. Э. Шевченко. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1994. С. 236; о Житии Александра см.: *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 2: Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение / Изд. подгот. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, Т. И. Шаблова. СПб., 2006; *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по «житиям святых»). М., 1966. С. 182—191.

⁸ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. С. 236.

⁹ *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь... Т. 2. С. 77.

¹⁰ Там же. Объяснить этот факт можно тем, что период «бельчества» Алексея растянулся на две администрации. Прибыв в монастырь в 1445 г., он ожидал пострига через 3 года; в 1448 г. на смену Трифону пришел Кассиан. Возможно, что новый игумен настоял, чтобы Алексей прошел испытательный срок заново.

¹¹ Там же. С. 78, примеч. 318.; *Будовниц И. У.* Монастыри... С. 184.

¹² *Будовниц И. У.* Монастыри... С. 184.

¹³ *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь... Т. 2. С. 78.

¹⁴ *Будовниц И. У.* Монастыри... С. 184; *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь... Т. 2. С. 79.

¹⁵ См.: *Janin R.* Le monachisme byzantine au moyen âge. Commende et typica (Xe—XIVe siècle) // *Revue des études byzantines.* 1964. Т. 22. P. 21—23.

своими духовными отцами, очевидно, были явлением распространенным: известно, что молодой Мартиниан делил келью с Кириллом, а Иннокентий (в Житии Кирилла) находился в сходном положении послушника у Игнатия.¹⁶ При Трифоне, как можно заключить, пострижение малолетних было сокращено, если не уничтожено вовсе. Можно утверждать, что трехгодичный испытательный период, принятый Юстинианом,¹⁷ был нормой при Трифоне. Бельцы отличались от остальной братии — одеждой, едой, жильем, также в соответствии с византийской практикой. В сути бельческих привилегий (богатая одежда, напитки в кельях — даже алкогольные) — яркий контраст с ситуацией в монастыре при Кирилле, которую описывает Пахомий Серб (простая одежда, если предположить, что монахи должны были следовать примеру Кирилла,¹⁸ и запрет на алкоголь во всем монастыре). Новичок выполнял физический труд наравне с обслугой и затем принимал постриг. Вместо того чтобы продолжать обучение до уровня наставника, послушник продолжал трудиться до тех пор, пока он не становился киновиархом низовой должности. Это не свидетельствует о том, что молодые послушники никогда не работали вместе со старцами и под их руководством. Перспективные и грамотные послушники, без сомнения, работали с ними, хотя, возможно, в группах (см. ниже). Однако в монастыре с большим количеством насельников традиционное послушническое образование под непосредственным руководством старца-наставника было роскошью, доступной немногим.¹⁹

Если позиция общежительного режима по отношению к молодым бельцам была относительно ясна, отношение Трифона к (как правило) более зрелым и богатым людям, желающим постричься в монахи, отличалось непоследовательностью. Здесь он также временами, хотя и не всегда, следовал византийскому обычаю, где предпочтение отдавалось бельцам благородного происхождения, которые, вступая в монастырь, делали богатые вклады.²⁰ Пахомий пишет о вельможе Захарии, который появился в монастыре, желая постричься в монахи: «Но не случится тому тако быти».²¹ Агиобиограф не дает никакого объяснения тому, что Захария, который тем

¹⁶ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. С. 236—238, 86, 134.

¹⁷ См.: *Janin R. Le monachisme...* P. 23; *Kazhdan A. P., Talbot A.-M., Cutler A. The Oxford Dictionary of Byzantium.* New York, 1991. Т. 3. P. 1499 (s. v. «Novice»).

¹⁸ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. С. 90.

¹⁹ Существует мало свидетельств о том, что в это время старцы участвовали в принятии новичков, как происходило позже (см.: *Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь...* Т. 2. С. 66 и 77), кроме исключительных случаев богатых «новичков», удалявшихся в монастырь. См. ниже.

²⁰ *Kazhdan A. P., Talbot A.-M., Cutler A. The Oxford Dictionary...* Т. 3. P. 1499 (s. v. «Novice»).

²¹ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. С. 142.

не менее финансировал строительство новой церкви Трифона, так и не был пострижен. Неизвестно, как можно квалифицировать этот вклад: Захария мог сделать его, когда он только планировал стать монахом (подарок в качестве платы за вступление, которая, как известно, существовала позже в монастыре),²² либо он сделал его ради спасения своей души, несмотря на то что ему не удалось стать послушником. В любом случае вступительные вклады на византийский манер были нововведением Трифона, что подтверждается экономическими документами того времени. Трифон постриг в монахи другого землевладельца, Геронтия Линяка, захотевшего уйти на покой в монастырь и оставившего большую часть своих владений Кириллову монастырю и игумену Трифону.²³ Трифон, которого Геронтий называет духовным отцом, присутствовал при составлении этого документа. Другим свидетельством подобного вступительного вклада может служить документ, подписанный Арсением Кормилицыным, который, посоветовавшись со своими братьями Олешкой и Гридкой, передал во владение Кириллова монастыря деревню «своег(о) ради сп(а)сения». Арсений также называет «господина игумена Трифона» своим духовным отцом.²⁴ В обоих случаях удивляет количество старцев, присутствовавших при составлении и подписании документа. Можно предположить, что их присутствие свидетельствует о том, что эти вельможи вступали в их ряды.²⁵ То, что игумен начинает играть роль духовного отца для (и, возможно, исключительно для) богатых бельцов, заставляет предположить, что отношения между духовным отцом и сыном стали восприниматься более формально.

---

²² См.: *Никольский Н. К.* 1) Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625 гг.). Т. 1, вып. 2: О средствах содержания монастыря. СПб., 1910. С. 143—144; 2) Кирилло-Белозерский монастырь... Т. 2. С. 77.

²³ Акты социально-экономической истории... Т. 2. С. 52—53 (№ 87); см. также: *Toucas-Bouteau M.* Le monastère... P. 387—388.

²⁴ Акты социально-экономической истории... Т. 2. С. 51 (№ 84). М. *Toucas-Bouteau* (Le monastère... P. 388) считает, что грамота № 84 указывает на вклад монаха, предположительно уже носящего рясу. Однако, несмотря на то что грамота № 84 не начинается формулой «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (в отличие от № 87) и называет Арсения «чернцем» (вместо обычного «иноком»), утверждение, что вклад — «своег(о) [т. е. Арсения] ради сп(а)сения», можно предположить, что Арсений является «новичком».

²⁵ Возможно, в Кирилловом монастыре, так же как и в Троице-Сергиевом, звание старца давалось игуменом. Вероятно, этим можно объяснить участие старцев в постриге богатых землевладельцев, становившихся духовными сыновьями игумена. Ср.: *Gonbeau P.* Les troubles au monastère (bezčinniki monastyrskie): Indiscipline et partage du pouvoir à la Trinité-Saint-Serge au XVe siècle // *Revue des études slaves.* 1991. Т. 63. P. 197.

УПАДОК СКИТСКОЙ КНИЖНОСТИ И ПОЯВЛЕНИЕ НОВОГО КОРПУСА ТЕКСТОВ

Реформы монашеской жизни, начатые Трифоном, равно как и рационализация поведения, которая сопровождала эти реформы, изменили условия развития педагогики и герменевтики в монастыре. Стало трудно поддерживать непосредственные связи между опытными наставниками и учениками, так как, с одной стороны, молодые послушники попадали в колею монашеской карьеры, проходя через период «службы», труда и возвышения в общежительной иерархии, а старцы и игумены, с другой стороны, были еще более озабочены делами управления монастырем и контактами с внешним миром. Связи между социальными, педагогическими и интерпретативными структурами были сильны как никогда ранее, но строились по иным принципам. На поверхностном уровне возросший контакт с внешним миром имел результатом проникновение в монастырь книг более «мирского» характера (необязательно более «светских», но наверняка менее полезных для духовного обучения молодых послушников). Эти книги не поддавались устаревшим «пустынным» (скитским) принципам толкования текстов, принятым в монастыре. Чтение и толкование этих «мирских» книг, «излишних» с точки зрения скитской культуры, отражено в «излишней» речи таких иерархов, как Кассиан (1448—1470 гг.),²⁶ которую старцы также считали неприемлемой.²⁷ На глубинном уровне рациональный порядок общежития, установленная структура, определявшая взаимоотношения между монахами, как кажется, выражается в появлении новой педагогики и нового метода чтения книг, в основе которого лежало «искусство» (*хитрость*) толкования текста и понимания мира — такой подход к интерпретации, который был столь же несовместим с непосредственным прослушиванием проповедующих текстов, как кинофия была несовместима с непосредственной духовной связью.²⁸

Совокупное влияние книг и наставников в ските было важным элементом монашеской педагогики. Молодые послушники, ставшие на путь совершенствования, общались не только с наставниками, но и с книгами, которые также были носителями авторитарных мнений. Форма этих книг, особенно для молодых монахов, отражала их функцию: изречения и (в большей части) нравоучения, рассуждения и другие

²⁶ См.: Акты социально-экономической истории... Т. 2. С. 694; ср.: *Строев П.* Списки... Стб. 55 (здесь даты неточные).

²⁷ *Romanchuk R.* The Textual Community... P. 225—234.

²⁸ См.: *Романчук Р.* Автор или читатель? Библейская цитата и библиографическая ссылка в текстах Древней Руси (XI и XV века) // *Славяноведение.* 2003. № 2. С. 51—59.

«безыскусные слова»,²⁹ предназначенные для немедленного постижения.³⁰ Г. М. Прохоров исследовал судьбы такой «исихастской» литературы в Кирилловом монастыре с конца XIV по XVII в. и составил сводную хронологическую таблицу рукописей исихастских работ, дошедших до наших дней. Г. М. Прохоров исследует Лествицу Иоанна Синайского, важную для Кирилла книгу, и работы Аввы Дорофея, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова и Григория Синаита в качестве книг-руководств к монашеской жизни. Г. М. Прохоров находит, что число таких работ, которые переписывались в Кирилловом монастыре во второй четверти XV в., включая период игуменства Трифона, существенно уменьшилось. Из 6 рукописей, содержащих исихастские труды и датированных первой половиной XV в., только 2 можно с полной уверенностью отнести к последующей четверти века. Данные, учитывающие рукописи, датировать которые можно с меньшей точностью, свидетельствуют об аналогичном спаде.³¹ Тот факт, что при Трифоне переписывание образовательной литературы пошло на убыль, заслуживает особого внимания, если учесть, что в то же время количество монахов в обители сильно возросло и неопытность большинства из них требовала наставления в новой монашеской жизни. Можно предположить, что все это указывает на упадок педагогических методик, введенных Кириллом. С этого времени монахи должны были следовать общежительному принципу, а не духовному наставничеству.

Уменьшение количества переписываемой исихастской образовательной литературы компенсировалось появлением новых книг на темы, которые не имели немедленного практического применения для духовного развития послушников. Некоторые из этих произведений фигурировали в Индексах «истинных» книг, и ни одно из них не зафиксировано в прилагающихся списках «ложных» книг.³² Как авторитеты они были выше критики, что, без сомнения, было одним из факторов, способствовавших их восприятию в обители: их переписывали и их читали старцы. Некоторые книги, которые в первую очередь появились в монастыре при Трифоне, могут быть признаком возросшего интереса к информации у писцов и читателей: Катахезы Кирилла Иерусалимского, работы по догматическому богословию;³³ Диалектика (или Философские главы) Иоанна Дамаскина и сочине-

²⁹ «Неухищенное слово» — выражение из предисловия к Азбучному патерику. См.: *Romanchuk R. The Textual Community...* P. 157—158.

³⁰ *Ibid.* P. 140—187.

³¹ См.: Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря с XIV по XVII в. // Монастырская культура: Восток и Запад / Ред. Е. Г. Володашкин. СПб., 1999. С. 54, 56.

³² См.: Грицевская И. М. Индексы истинных книг. СПб., 2003. С. 160—209.

³³ Соф., № 1248, л. 2—231 об. (по новой нумерации), переписанная Олешкой Палкиным в 1441 г.

ние «О восьми частях слова», также (ошибочно) приписываемое ему, учебники по основам логики (категорической семантики) и грамматики;³⁴ часть анонимной византийской Географики (связанной с именем Евстратия Никейского) в сербском переводе;³⁵ Симеонов сборник (называемый в сокращенном варианте Златой целью) и Книга о Троице и о вере, догмато-екзегетические сборники, возникшие в Болгарии;³⁶ Летописец вскоре константинопольского патриарха Никифора; учебник-пособие по мировой истории;³⁷ и полная сербская редакция Шестнадцати слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, своего рода «христианское руководство по греческой культуре».³⁸ Некоторые из этих книг связаны с так называемым Македонским Возрождением в Византии;³⁹ они составляют

³⁴ Кир.-Бел., № 10/1087, л. 9 об.—89 и 1—9 (первые листы грамматики Псевдо-Иоанна отсутствуют), переписанные Олешкой в 1446 г. О Диалектике см.: *Суханова Е. Н.* О первоначальной редакции славянского перевода «Диалектики» св. Иоанна Дамаскина XIV в. // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 324—336. О трактате «О восьми частях слова» см.: *Левшина Ж. Л.* Славянское грамматическое сочинение «О восьми частях слова» // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 66—76.

³⁵ Кир.-Бел., № 10/1087, л. 89 об.—95 об. О Географике см.: *Гаврюшин Н. К.* Источники и списки космологического трактата XV в. «О небеси» // Вопросы истории естествознания и техники. 1988. № 1. С. 132—139. Олешкин вариант — другой перевод, чем в сборнике Кир.-Бел., № XII. На самом деле в Кир.-Бел., № 10/1087 читается продолжение перевода, первая часть которого находится в знаменитом «Горичком сборнике». См.: *Радосевич Н.* Космографски и географски одломци Горичког зборника // Зборник радова византолошког института. 1981. Т. 20. С. 171—191.

³⁶ Кир.-Бел., № 10/1087, л. 207 об.—242 об. и л. 96—207 (с изменениями и, позднее, цензурой). О Симеоновом сборнике см.: *Thomson F. J.* The Symeonian Florilegium — Problems of its Origin, Content, Textology and Edition, together with an English Translation of the Eulogy of Tzar Symeon // *Palaeobulgarica*. 1993. Т. 17. Р. 37—53. О малоизвестной Книге о Троице и вере см.: *Федер У. Р.* Мелецкий сборник и история древнеболгарской литературы // *Palaeobulgarica*. 1982. Т. 6. Р. 160.

³⁷ Кир.-Бел., № 10/1087, л. 309—313. О Летописце вскоре см.: *Пиотровская Е. К.* Византийские хроники IX века и их отражение в памятниках славяно-русской письменности // Православный палестинский сборник. 1998. Вып. 97 (34).

³⁸ Пог., № 989, л. 1—100 об., 103 об.—340. О редакциях Шестнадцати слов Григория Богослова см.: *Thomson F. J.* The Works of St. Gregory of Nazianzus in Slavonic // II. Symposium Nazianzenum / Ed. by J. Mossay. Paderborn, 1983. P. 119—125. Пог., № 989 является апографом списка Олешки Палкина. О рукописи см.: *Иванова К.* Историята на един южнославянски ръкопис в руската книжнина през XV в. // Старобългарска литература. София, 1977. Кн. 2. С. 158—168.

³⁹ Так, напр., патриарх Никифор цитирует Диалектику Иоанна в своих «схоластических» трактатах об иконах, см.: *Alexander P. J.* The Patriarch Nicéphorus of Constantinople. Oxford, 1958. P. 189—213; византийские риторы IX в. цитируют слова Григория, см.: *Vinson M.* Rhetoric and Writing Strategies in the Ninth Century // Rhetoric in Byzantium / Ed. by E. Jeffreys. Aldershot, 2003. Патриарх Никифор, Евстратий Никейский и Никита Ираклийский — представители византийского «возрождения».

большую часть библиотеки, собранной старцем Олешкой Палкиным. Расцвет деятельности этой примечательной личности совпадает с игуменством Трифона, и ниже мы рассмотрим тексты, которые он читал и переписывал.

ПЕДАГОГИКА В КИРИЛЛОВОМ МОНАСТЫРЕ ПРИ ТРИФОНЕ: «ОБЩИЙ КУРС» ДЛЯ МОНАХОВ?

Мы уже рассмотрели положение бельца, который как при Трифоне, так и при Кирилле по прибытии в монастырь обучался грамоте у дьяка, организатора подобию монастырской начальной школы. Это соответствует византийской практике, так как при некоторых монастырях в Византии работали школы исключительно для обучения послушников грамоте.⁴⁰ Утверждают, как правило, что православный монастырь не выполнял функции средней школы, и в большинстве случаев с этим можно согласиться. Тем не менее некоторые полагают, что Константинопольский Студийский монастырь (и, может быть, другие) организовывал учебные учреждения вокруг одного учителя (*koinos kathegetes*), который преподавал словесные предметы так называемого общего курса (*enkyklios paideia*) — грамматику, риторику, философию — на основе трудов отцов церкви.⁴¹ В Студийской обители, по словам Жития Феодора Студита, послушники «не оставались несведущими в словесных науках, но занимались изучением грамматики, при посредстве которой учатся правильно писать и приобретают навыки к чтению, а также философскими упражнениями и заучиванием наизусть отеческих мыслей, при помощи которых они могли опровергать пустословные нелепости всякой ереси, составляли истинные суждения и умозаключения».⁴²

Мы видели, как в Кирилловом монастыре при Трифоне грамотность оставалась ценным качеством для некоторых (возможно, не для всех) молодых послушников. Более того: книги Олешки Палкина, взятые вместе, составляют почти такой же «общий курс», какой учитель читал в Студийском монастыре. Трактат «О восьми частях слова» вместе с «историческими» (т. е. историографическими и географическими) добавлениями соответствует курсу по грамматике;⁴³

⁴⁰ См.: *Wilson N. G. Scholars of Byzantium*. London, 1996. С. 69.

⁴¹ См.: *Самодурова З. Г.* К вопросу о существовании монастырских школ в Византии VIII–XII вв. // *Византийский временник*. 1995. Т. 56. С. 204–214.

⁴² PG. Т. 99. Col. 273. Цит. по: *Самодурова З. Г.* К вопросу... С. 208.

⁴³ О курсе по грамматике в поздней античности ср.: *Cribiore R.* *Gymnastics of the Mind*. Princeton, 2001. P. 185–219. О возможном использовании Летописца вскоре патриарха Никифора на византийских курсах по грамматике см.: *Самодурова З. Г.* Малые византийские хроники и их культурно-историческое значение: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1968. С. 237. Об использовании Географии в качестве «лекций для школы» (наверное, на тех же курсах) см.: *Лукова С. Н.* Космографический трактат Евстратия Никейского // *Византийский временник* 1986. Т. 47. С. 145.

Шестнадцать слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского содержат элементы курса по риторике;⁴⁴ и Диалектика Иоанна Дамаскина (наверное, с богословскими приложениями) соответствует начальному курсу по философии.⁴⁵ Это — целый комплект «вторичных» учебных пособий для монахов. Содержание книг Олешки, подтвержденное некоторыми другими данными, которые мы рассмотрим ниже, позволяет выдвинуть следующую гипотезу: кирилло-белозерских монахов обучали грамоте не для того, чтобы они обратились к назидательному изучению книг в своих кельях (см. выше об уменьшении количества переписываемых исихастских работ), но скорее в расчете на то, что избранные послушники продвигнутся на курс вторичного обучения и в конечном счете станут профессиональными писцами и экзегетами писания. В Кирилловом монастыре особое внимание рациональному изучению книг стали уделять предположительно при Трифоне, что соответствует другим усовершенствованиям монастырской жизни, введенным в период трифонового игуменства. Следствием рационализации или профессионализации работы книжника явилось, разумеется, то, что люди, профессионально не связанные с книгами, все менее соприкасались с ними.

Александр Палкин, подписывавшийся как «послѣдний в грѣшницѣхъ, именовъ Олешка», был первым из людей, связанных с книгами и обучением в период правления Трифона. Житие Мартиниана свидетельствует о том, что некий Олеш обучал грамоте при монастыре уже при Кирилле. Агиобиограф описывает учителя святого следующим образом: «И в та времена прилучися — близ обители святаго человекъ нѣкий живяше, имя ему Олеш Павловъ,⁴⁶ диакъ монастырскый.⁴⁷ Дѣло его бѣаше книги писати и учити ученикы грамотныа хытрости (т. е. элементарного курса, *hiera grammata*. — P. P.), и зѣло искусень сый таковому художеству. Сего Кирилъ

---

⁴⁴ О курсе по риторике ср.: *Cribiore R. Gymnastics...* С. 220—244. О Григории как о риторическом «классике» и об изучении его прозы в Византии см.: *Ševčenko I. A Shadow Outline of Virtue // The Age of Spirituality: A Symposium. New York, 1980. P. 64*; о возможном использовании слов Григория и толкований к ним на курсах по риторике см.: *Wilson N. G. The Church and Classical Studies in Byzantium // Antike und Abendland. 1970. Т. 16. P. 70*; *Nimmo Smith J. A Christian's Guide to Greek Culture. Liverpool, 2001. P. xxxviii—xliv*.

⁴⁵ Об использовании учебников типа Диалектики на начальных курсах по философии в ранней Византии см.: *Roueché M. Byzantine Philosophical Texts of the Seventh Century // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. 1974. Т. 23. P. 61—76*.

⁴⁶ «Павлов» — возможно, искажение от «Палкин» либо неполное отчество («Павлов сын»).

⁴⁷ В некоторых списках Жития Олешку называют «диаком мирским». Однако Е. Э. Шевченко, издатель Жития 1994 г., рассматривает это как вторичное чтение. См.: *Шевченко Е. Э. Книжник XV в. Мартиниан // Книжные центры Древней Руси. XI—XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 286*.

призвавъ, рече ему: „Друже, сътвори ми любовь Божию: научи мы отrocka сего грамотъ, его же видиши. Да и се ти глаголю пред Богомъ: съхрани его, яко зѣницу ока, въ всякой чистотѣ“». ⁴⁸

Опираясь на Житие Мартиниана, можно предположить, что Олешка начал работать приблизительно в 1410 г. и что он тогда проживал за пределами обители. Но поскольку Олешка-книжник жил приблизительно до 1470 г. (см. ниже), скорее всего, здесь агиобиограф просто хотел связать долголетнюю память об опытном дьяке-учителе в Кирилловом с памятью своего героя. Все-таки возможно, что Олешка обучал монахов грамоте в конце игуменства Кирилла и при Трифоне (он мог быть неназванным учителем Алексея-Александра Ошевенского).⁴⁹ Олешка оставил датированные приписки в своих рукописях Увар., № 369 (1426 г.), Соф., № 1248 (1441 г.) и Кир.-Бел., № 10/1087 (1446 г.); его приписка также сохранилась в Пог., № 989, списке, датируемом 1479 г., — вследствие передатирования или ошибки писца при воспроизведении.⁵⁰ Если не принимать в расчет эти первую и последнюю даты, то время зрелой деятельности Олешки в качестве кижника можно с уверенностью отнести к периоду с конца игуменства Кирилла до конца игуменства Трифона. Перед тем как принять монашеский обет, он имел семью, и его сын Степан Александров сын Палкин сам стал светским писцом, составившим приблизительно в 1455—1475 гг. завещание землевладельца Белоозера.⁵¹ В 1440-х гг. Палкин-отец был уже зрелым монахом (и опытным писцом). Его имя упоминается в Синодике за № 234, что указывает на то, что он скончался в период игуменства Кассиана.⁵²

Олешка оставил приписки в трех книгах, основную часть которых он переписал сам, и его имя и приписка также сохранились в книге, скопированной с его антиграфа. В ГИМ, Увар., № 369 (Диоптра Филлипа Монотропа) на л. 242 находится первое известие об Олешке, написанное собственной рукой: «В лѣ(то) 6934 [1426]-е ко краю достиже хартиєю и чернилом, службы сея рачител(ь)ство

⁴⁸ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. С. 236.

⁴⁹ К сожалению, описание занятий Александра с дьяком в Житии Александра Ошевенского вполне состоит из агиобиографических общих мест; даже имя дьяка здесь забыто.

⁵⁰ К. Иванова (Историята... С. 160) утверждает, что «Олешко Палкин», писец Пог., № 989, не может являться Олешкой, писцом других кирилло-белозерских книг, полагая, что почерки различны. Но Пог., № 989 является более поздним апографом книги, которую подписал все тот же Олешка, с ошибкой в дате или с новой датой. Приписки нередко переписывали из книги в книгу, особенно если они были написаны авторитетным лицом. См.: *Розов Н. Н.* Книга в России в XV в. Л., 1981. С. 19—21.

⁵¹ Акты социально-экономической истории... Т. 2. С. 104 (№ 168).

⁵² См.: *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625 гг.). Т. 1, вып. 1. Об основании и строениях монастыря. СПб., 1897. С. lxi.

грѣхослужимоу десницею, и послѣдняг(о) в грѣшницѣх именем Олешка, м(ѣ)с(я)ца марта въ 30. Х(ри)с(т)а ради помяните въ своих с(вя)т(ы)хъ м(о)л(и)твахъ, аминь».⁵³

В РНБ, Соф. № 1248 (Катехезы Кирилла Иерусалимского) в конце своей последней тетради (л. 328 об.) Олешка написал следующее: «В лѣт(о) 6949 [1441] м(ѣ)с(я)ца генуариа и въ 19 за м(о)л(и)тву с(вя)т(а)го и великаг(о) Иоанна Дамаскинскаг(о), списано быс(тъ) житие Иоаново, грѣхослужимоу десницею именем Олешка».

В последней цельной Олешкиной тетради РНБ, Кир.-Бел., № 10/1087 (сборник с грамматикой, Диалектикой Иоанна Дамаскина, географией и др.) приписка гласит следующее (л. 282): «Х(ри)с(тос)ъ зачало и конецъ всякому дѣлу бл(а)гу, иже о немъ начинаемому, и свершаемому, аминь».

В лѣт(о) 6954 [1446] ко краю достиже харатию (*так!*) и черниломъ, службы сея рачительство, грѣхослужимоу десницею, и послѣдняг(о) в грѣшницѣхъ именем Олешка. Молить же ся неразумный писател(ь) рачителю книги сея, закоснѣнья ради нашег(о), но Б(ог)а рад(и) помяни в своихъ с(вя)т(ы)хъ м(о)л(и)тв(а)хъ, аминь».⁵⁴

Четвертая, очень длинная приписка сохранилась в РНБ, Пог., № 989 (список Шестнадцати слов Григория Богослова, датируемый 1479 г., не Олешкина рука; два или три писца) на л. 340—343 об. Ниже квадратными скобками обозначены пропуски в рукописи, которые мы с предыдущими редакторами не смогли восстановить:⁵⁵ «Сия б(ог)од(о)х(но)в(е)ная книга, привезена от сербские земли, пр(е)п(о)д(о)бн(и)мъ инокомъ Касьяномъ, емуже порекло отъ о(те)чства Румянцевъ, и положена быс(тъ) во обители с(вя)т(а)го Сп(а)са б(о)голѣпнаго его [пре]ображения.» Имѣеть ж[е сия]» книга писание великаго [Григорья]» Б(о)гослова, сербскаго [языка гра]мотою.» Понеже о[тъ начальных]»^p преводникъ поло[жены суть рѣчи

⁵³ Опубликовано: Гальченко М. Г. Записи писцов в датированных рукописях XIII—XV вв. // *Palaeoslavica*. 2003. Т. 11. С. 74 (№ 8); *Вздорнов Г. И.* Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // *ТОДРЛ*. Л., 1968. Т. 23. С. 190 (с неточностью: слова *с(вя)т(ы)хъ* нет); *Леонид*, архимандрит. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1898. Ч. 1. С. 523. Автор признателен коллеге М. А. Шибаеву за сообщение об Увар., № 369.

⁵⁴ Опубликовано: *Попов А.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Т. 1. С. 101, сн. 1 (с неточностью: *Б(ог)ъ* вм. *Х(ри)с(тос)ъ*).

⁵⁵ Восстановления К. Ивановой (*Иванова К.* История... С. 166—168) обозначены маленькой буквой *и*; М. Г. Гальченко (*Гальченко М. Г.* Записи... С. 125—126) — буквой *z*; И. Шевченко (*Ševčenko I.* Oleško Palkin's Colophon in RNB, Pogod. 989. Textological Concerns and Erudition of a Late Fifteenth-Century Muscovite Bookman // *Palaeoslavica*. 2003. Т. 11. P. 255, f. 1) — буквой *ш*. Восстановления и исправления автора этой статьи обозначены буквой *p*.

книж]нии,⁵⁶ ово болгарьски, [ово гре]чьски,“ а ино срьбьски, [их ж]е⁵⁷ не удоволишася прело[жи]ти“ на русьскы языкъ,⁵⁶ понеже обрѣта-етсе во иномъ языѣ г(лаго)ль красенъ, а в друзъмъ не красенъ.⁵⁷

В сия лѣта бияше на Каменномъ и держаше старишинство обла-сти препод(о)бны игумень Дионисии, житиємъ преизещенъ, и разумъ глубочайшъ имущъ, многого же его ради смиренья и глубо-чайшаго разума и добродѣтельнаго его ради жития, еп(и)с(ко)п(о)мъ поставленъ быс(тъ) граду Ростову. Сию же книгу, никто не можаше переписатьи. Обрѣтошася иноци, смиренѣиши и разумнѣиши, си[ю]“ книгу искусно разумѣющ[и. Еди]нъ“ именуемыи Генадии, [въ игу]-мена“ Дионисья у с(в)я(т)а(го) [Сп(а)са иг]уменьство,“ сии убо Гена-дѣи часто любляше по[читати]“ сию⁵⁸ книгу, но не преведе ея ни [препи]са.“ Вторыи именуемыи Касья[нъ]“ инокъ, велми любяше почитати сию книгу, и сподобленъ быс(тъ) и си игуменьству у вели-каго Сп(а)са на Каменномъ, но ни сему случися переписатьи сию кни-гу. И случися сима исшествие из монастыря, а сия книга пребываше у великаго Сп(а)са. Потом же минувшимъ лѣтомъ 40 бияше св(я)-щенноинокъ Трифонъ у великаго Сп(а)са на Камен’номъ. Приклю-чися ему быти у Преч(и)стые Б(огороди)ци, ч(е)стн(а)го ея Успенья в Кириловѣ монастыри. Пр(е)п(о)д(о)бн(о)му игумену Христофору отшедьшу ко Г(о)с(под)у: и примъ область игуменьства, св(я)щен-ноинокъ, Трифонъ,⁵⁹ в сия лѣта приключися, двѣма инокомъ пр[есветл]ѣшимъ“ и премудрым[ъ ... кни]гамъ“ многу силу раз-умѣющи[мъ]“ и житиємъ иночьскимъ прово[си]авшимъ,“ единъ

---

⁵⁶ Цитата из славяно-русского словаря XIV—XV вв. «Толкование неудобъ позна-ваемою рѣчемъ»: «понеже положены суть рѣчи въ книгахъ от начальныхъ прѣвод-никъ ово, словѣнскы. и ино срьбьскы. и другаа болгарскы, и грѣчьскы ихже неудово-лишася преложити на рускы» (цит. по Кир.-Бел., № 45/170, Лествица XV—XVI вв., л. 234 об.). О славяно-русскомъ словаре см.: *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпо-хи средневековья. М.; Л., 1963. С. 216—268, 421—431; *Трифуновић Ђ.* Речник уз српске преписе лествице // *Јужнословенски филолог.* 1982. Т. 38. С. 79—87.

⁵⁷ Цитата из предисловия Иоанна Экзарха к трактату Иоанна Дамаскина «О прав-ославной вере»: «и всякому языку въ инъ прелагаему то же бываетъ. небожь иже г(лаго)ль въ иномъ языкѣ краснь, то въ друзъмъ некрасьнъ» (цит. по: *Sadnik L.* Des hl. Johannes von Damaskus *Ekthesis akribes tes orthodoxou pisteos* in der Übersetzung des Exarchen Johannes. Wiesbaden, 1967. Т. I. Р. 24). См.: *Иванова К.* Историята... Р. 161; *Ševčenko J.* Oleško Palkin's Colophon... Р. 257—258.

⁵⁸ Исправление автора: *еню* изменено на *сию*. *Есть* (е) в почерке Олешки похо-же на *слово* (с), и наоборот. Поэтому иеромонахъ Ефросинъ переписываетъ «фиеонъ» в Кир.-Бел., № 10/1087 как «фисонъ» в Кир.-Бел., № 22/1099. *Иже* (и) и *наш* (н) тоже похожи, особенно у Олешки — средневековые переписчики и редакторы не-редко меняли их подобнымъ образом. Такимъ образом, Олешкино «но» (Кир.-Бел., № 10/1087) Ефросинъ переписываетъ как «і о» (Кир.-Бел., № 22/1099).

⁵⁹ Исправление писца Пог., № 989: *Трифинъ* изменено на *Трифонъ*. Можетъ быть, переписчикъ Олешкиного антиграфа плохо знаетъ историю Кирилло-Белозерского монастыря.

именуемыи Симонъ порекломъ зовомыи Карт'мазовъ, а вторыи съжителникъ его Спиридонии, оба приидоша, ото обители живона-чальныйи Тр(ои)ци Сергѣева манастыря, и соглядаша сию обитель Пр(е)ч(и)стые Б(огороди)ци ч(е)стн(а)го ея Успенья, в Кириловѣ ма-настыри, и обрѣтоша, яко мѣсто тихо и безмятежно. Они же изволи-ша конечнаго ради любомудрия и цѣломудрия пребыти во обители преч(и)стые Б(о)гом(а)т(е)ри, и вжелъша преписати сию книгу сербскаго писмени, великаго Григорья Б(о)гослова, и взем'ше сию книгу с Каменного отъ с(вя)т(а)го [Сп(а)]са" с Каменного, повелѣ-ниемъ и [гум]ена" Трифона, потщавшеся [... утр]ужениемъ" велиимъ, ово [... раз]умѣнья,⁶⁰ а ово часто почиташа сию книгу, и силу е[я ра]зумѣюще" приникше в сию кни[гу]" и возложив'ше надежду на Б(о)га и на всенепорочную его М(а)т(е)рь: и молениемъ пр(е)п(о)-д(о)бн(а)го игумена Кирила. И обрѣтоша инока цѣломудрена и же-стока житиемъ и четца книгамъ изещна и писателя искусна, име-немъ Достофѣя.⁶⁰ Сии убо Симонъ и съжителникъ его Спиридонейи неудобъ разумное исправиша, и изьясниша, а Достофѣи прикоснув-ся черниломъ своею десницею переписа. Азъ же неразумныи всякые грубости преполныи и плотные немощи, ни же разумъ ни⁶¹ смыслъ неочищенъ имѣя,⁶² грубы, и пакрити⁶³ Олешко, порекломъ именуе-мыи Палкинъ,⁶⁴ и преже сиихъ часто случаше ми ся зрѣти сиихъ книгъ, и желание в[ъзы]мѣхъ," да бы поне мало о[брѣсти доб]раго" слова яко от моря каплю [пе]рети,⁶⁵ но бояхся ненаказания [с]воего" и неразумия⁶⁵ не смѣхъ списати. Якоже видѣхъ потщание сиихъ б(о)г(о)носивыхъ мужъ еже переписаха сию книгу, понеже писание пишеть, якоже кто не имыи вожа удобъ путемъ блудить [см. *Исаии 3: 12*? *Матф. 15: 14*, *Лук. 6: 39*?] сице и азъ грубыи по истиннѣ сво-ихъ грубостии отвергъ по сиихъ о(те)цъ наказанью, аки на путь на-ставленъ быхъ:

Прикоснухся грѣхослужимою десницею, ко истлѣнному черни-лу, възложихъ надежду на Б(о)га и на всенепорочную его М(а)т(е)рь и великаго Григорья Б(о)гослова, переписахъ сию книгу, понеже сиихъ о(те)цъ Симо[на]" и Спиридонья преведенье и испра[вле]ние" об-

⁶⁰ Вероятно, имеется в виду Досифей Неведомицын (см. ниже).

⁶¹ Исправление автора: *и* и изменено на *ни*. См. ниже.

⁶² Цитата из предисловия к Диалектике Иоанна Дамаскина: «ниже умъ ни рас-мысль очищенъ якоже зеркало Б(о)гу» (цит. по: *Weiher E. Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung*. Wiesbaden, 1969. S. 4 (л. 2а 6–7)).

⁶³ Исправление автора: *упактитъ* изменено на *упакритъ*. Ср.: *Ševčenko I. Oleško Palkin's Colophon...* P. 258–259.

⁶⁴ Прозвище нашего писца Палкинъ. См.: *Розов Н. Н. Книга...* С. 44–45; *Галь-ченко М. Г. Записи...* С. 126. Ср. *именоуемы Ипалкинъ* у Ивановой (*Иванова К. Историята...* С. 168 и след.).

⁶⁵ Цитата из предисловия к Диалектике Иоанна Дамаскина: «убояхъ же се ... не-науčenja въкупѣ и неразумия» (цит. по: *Weiher E. Die Dialektik...* S. 4 (л. 2б 1–3)).

рѣтохъ, аки ц(а)рск(и)мъ пу[темь]» шествовахъ,⁶⁶ но супроти[в...
...]оить» грубости и неразу[мья. Вы]» же вси, елици прочитаете, не
зазрите грубости:

В лѣт(о) 6987⁶⁷ ко краю достиже [харті]ею^р и черниломъ, июня,
м(ѣ)с(я)ца въ 4 д(е)нь, д(ь)ни скончавшуся яко 3 час бияша».⁶⁸

Очевидно, что эту приписку написал тот самый Олешка, кото-
рый составил приписки к рукописям Увар., № 369, Соф., № 1248 и
Кир.-Бел., № 10/1087. Время и место главных событий (Кириллов
монастырь в период игуменства Трифона), характерные речевые
обороты («грѣхослужимую десницею», «ко краю достиже хартіею
и черниломъ»), использование редких слов и молитвенное обра-
щение к святому подтверждают это. Этот Олешко цитирует Диалекти-
ку Иоанна Дамаскина, которую Олешка-книжник прочитал и пере-
писал в 1446 г. Этому Олешке также часто случалось «зрѣти <...>
книгъ» Григория Богослова, которые Олешка-книжник читал (в дру-
гой редакции) и из которых сделал выписки в том же самом сборни-
ке с Диалектикой.⁶⁹ Не стоит без необходимости искать других об-
разованных Олешек в Кирилловом монастыре при Трифоне и, по-
скольку в приписке отсутствует информация о каких-либо событиях,
произошедших позже трифоновского времени (отметим, что в это
время Олешка был уже опытным писцом), можно заключить, что
переписчик Пог., № 989 допустил ошибку, датируя рукопись 1479
вместо 1449 (или около того; вероятно также, что 1479 год — не что
иное, как дата апографа списка Олешки).

По данным в приписках к рукописям Пог., № 989 и Кир.-Бел., № 10/
1087, инициатором нововведений в подходе к книгам (как и в уста-
ве) является Трифон. Сильный игумен перевез с собой в Кириллов
монастырь Шестнадцать слов Григория Богослова из Спасо-Камен-
ного монастыря. Оттуда он, наверное, взял и другие южнославян-
ские тексты, сохраненные в рукописях Олешки Палкина. Спасо-Ка-
менная обитель давно была связана с Афоном, где ученые монахи

---

⁶⁶ Цитата из Слова [9-го] надгробного великому Василию Григория Богослова
(От. 43): «и гладкимъ путемъ воде, и зило бл(а)гошественным и ц(а)рскимъ воистин'ну, еже мужа похвалямъ» (цит. по рукописи и гладкимъ утемъ воде, и зило бл(ь)гошественным и ц(а)рск(и)мъ воистин'ну, еже мужа похвалямъ). См.: Ševčenko I. Oleško Palkin's Colophon... S. 259–260.

⁶⁷ Возможно, что следует исправить дату в приписке с $\overline{\text{СЦПЗ}}$ (6987) на $\overline{\text{СЦНЗ}}$ (6957), т. е. на 1449 г., полагая, что писец Пог., № 989 неверно прочел *наш* (н) Олешки как *покой* (п); также вероятно, что 1479 г. — дата апографа книги Олешки.

⁶⁸ Опубликовано: Гальченко М. Г. Записи... С. 125–126 (№ 141, с небольшими неточностями); Иванова К. Историята... С. 166–168 (также с небольшими неточностями).

⁶⁹ Кир.-Бел., № 10/1087, л. 142—157 об., 228 об.—241 об. (фрагменты первой славянской редакции Шестнадцати слов Григория с толкованиями Никиты Ираклийского).

переводили греческие книги на славянский и переписывали их. В 1380-х гг. с Афона в Спасо-Каменный монастырь приехал игумен (и общежительный реформатор) Дионисий Царьградский,⁷⁰ который, по всей вероятности, привез список Шестнадцати слов вместе с другими недавними переводами. Трифон заказал «перевод» Шестнадцати слов Григория; он же, очевидно, упоминается и в приписке к Кир.-Бел., № 10/1087 как «рачитель книги сея», т. е. Диалектики. Олешка переписал последнюю книгу по заказу, поскольку он извиняется за задержку (*закоснѣнъ*). Олешка упоминает (в приписке к Пог., № 989) старцев Симона Картмазова и Спиридона, называя их гораздо более образованными, чем он сам; возможно, они действительно работали учителями в период своего пребывания в Кирилловом, или, может быть здесь Олешка лишь соблюдает внешние приличия.⁷¹ Но если существовала средняя школа в Кирилловом монастыре, то нет ни малейшего сомнения, что ее патроном был Трифон, который делал все на византийский манер.

В приписках Олешки Палкина ученость (или, по выражению Игоря Шевченко, «эрудиция») его растет вместе с многословностью. Наряду с традиционными чертами скитской педагогики и герменевтики (как, к примеру, обращение к святым, моделирующее диалог; предполагаемое моральное воздействие книги на читателя; желание вставить новое слово) можно выделить новые элементы, отражающие новую педагогику. И. Шевченко в недавней заметке исследовал риторические обороты Олешки в Пог., № 989 (он их характеризует как «относительная изощренность») и их возможные источники.⁷² Здесь мы только уточним некоторые детали. Чтобы показать, что он знает языковые «тонкости» — что слово имеет разные значения в болгарской, сербской и русской рецензиях старославянского языка, Олешка цитирует не только предисловие Иоанна Экзарха к трактату Иоанна Дамаскина «О православной вере» («обрѣтае се во иномъ языкѣ г(лаго)ль красенъ, а в друзѣмъ не красенъ»),⁷³ но и славяно-русский словарь XIV–XV вв. «Толкование неудобъ познаваемомъ рѣчемъ» («понеже о[тъ] начальныхъ] преводникъ положены суть рѣчи книж]нии ово болгарьски, [ово гре]чьски, а ино сербьски, [ихж]е не удоволишася прело[жи]ти на русьскы языкъ»). Это, нам кажется, является следствием грамматической учебы. Что же касается риторики, то Олешка действительно любит причудливые слова и обороты, но самоназва-

⁷⁰ *Romančuk R. The Textual Community... P. 194–196.*

⁷¹ Досифея Неведомицына и Симона Картмазова упоминают Иосиф Волоцкий (ср.: ВМЧ. Сентябрь, дни 1–13. СПб., 1868. Стб. 135–136) и другие источники. См.: *Romančuk R. The Textual Community... P. 218–224.*

⁷² *Ševčenko I. Oleško Palkin's Colophon...*

⁷³ *Ibid. P. 257–258.*

ние «ипактитъ» в приписке скорее является искажением редкого старославянского слова, чем греческого «*hypotaktites*» (монах):⁷⁴ более поздний переписчик Соф., № 989 просто передает Олешкин «ипакритъ» (ипокрит) с ошибкой.⁷⁵ И. Шевченко предполагает, что источником «царского пути» Олешки может быть «Слово [9-е] надгробное великому Василию» Григория Богослова (Ог. 43),⁷⁶ и это действительно так: в полной сербской редакции текста, который Олешка переписал, отрывок читается «и гладкимъ путемъ воде [т. е. вода], и зило бл(а)гошественнымъ и ц(а)рскимъ воистин'ну, еже мужа похвалямъ», близко к варианту Олешки. Можно предположить, что «рачитель книги сея» в приписке к Кир.-Бел., № 10/1087 происходит от оборота «скровища такова(о) рачител(ь)» (*ho eron toioude thesaurou*) в Житии Иоанна Дамаскина, гл. 10 (речь идет о чуть не физическом энтузиазме отца молодого Иоанна к Козьме, будущему учителю сына; о чтении Жития в Кирилловом монастыре, см. ниже).⁷⁷ Наконец, возможно, что, цитируя формулу самоуничижения из Диалектики Иоанна Дамаскина («ни же разумъ ни смыслъ неочищенъ имѣя»), Олешка имеет в виду христианскую (*vel* неоплатоническую) цель философского образования: очищение ума, который «зрещ и разумичен, якоже око имать, и приемительнь сущихъ разума и художства» (Диалектика, гл. 1).⁷⁸ В конечном счете Олешка особым образом выделяет ученость, противореча старому идеалу безыскусных слов.

«ВЕЛИКИЙ ГОСПОДИН ИОАНН ДАМАСКИН» И «ГОСПОДИН АЛЕКСАНДР» И ИХ УЧЕНИКИ

Первая написанная при Трифоне книга Олешки, Соф., № 1248 (1441 г.), содержит труды догматического (Катахезы Кирилла Иерусалимского) и агиобиографического характера (как, например, Жития Константина и Елены и Иоанна Дамаскина). Отдельные тетради, составляющие эту книгу, очевидно, переходили из рук в руки, как можно предположить, среди учеников Олешки перед тем, как их собрали в единый кодекс. На верхнем поле листа одной из последних тетрадей (263 об.) некий читатель оставил просьбу для Олешки: «[И]оаново Дамаскыново житие Б(о)[г]а ра[д](и) напиш(и), г(осподи)не Александро». И в 1441 г. Олешка, он же господин Александр (подобно *dominus frater* на Западе, слово *kyr(os)* или *господин*

⁷⁴ Ibid. P. 258–259.

⁷⁵ См.: Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958. С. 1041 (s. v. «упокритъ»).

⁷⁶ Ševčenko I. Oleško Palkin's Colophon... P. 259–260.

⁷⁷ Соф. № 1248, л. 306 об.; ВМЧ. Декабрь, дни 1–5. СПб., 1901. Стб. 114; PG. T. 94. Col. 444.

⁷⁸ Weiher E. Die Dialektik... S. 10 (л. 5a 4–5).

являлось званием монашеского почета,⁷⁹ а также могло указывать на существование педагогической связи между написавшим просьбу на тетради и ее адресатом⁸⁰), переписал Житие церковного отца VIII в., который здесь своеобразно именуется «Великим *Господином* Иоанном Дамаскином»,⁸¹ в другую тетрадь, вшитую затем в Соф., № 1248 (л. 298—328 об.). Таким образом, читатель рукописи «господина Александра» знал о существовании Иоанна Дамаскина и хотел прочесть его Житие. Более того, «господин Александр» считал церковного отца своим собственным «господином», поскольку он видел в заголовке своего списка Жития Иоанна Дамаскина (ввел туда?) почетное наименование, которое носил и сам. Все это указывает на то, что Иоанн Дамаскин был в некотором роде культовой фигурой для Олешки и читателей его круга. Речь идет, однако, не о литургическом культе, а в первую очередь о педагогическом.

Ключ к восприятию Иоанна Дамаскина как «учителя» для круга Олешки находится во второй рукописи Олешки, завершенной в 1446 г., Кир.-Бел., № 10/1087. Книга начинается сербо-славянской грамматикой XIV в., носящей название «О восьми частях слова», ошибочно приписываемой Иоанну Дамаскину, за которой следует Диалектика (или Философские главы) — пособие по категорической семантике, написанное самим Иоанном. В этом труде Иоанн преподносит «категории» Аристотеля — рациональные критерии для упорядочения сотворенного мира: субстанцию, отношение, время, место, положение, состояние. Можно сделать вывод, что Диалектика переходила из рук в руки и обсуждалась в этом круге, так как Олешка составил отдельную приписку к грамматике и Диалектике в списке для Трифона, указывая на трудность интерпретации последнего текста (л. 89): «Сие убо бл(а)ж(е)н(а)го Иоанна Дамаскина писание, о осми частехъ слова. Суть же и ины главизны неудобъ разумны, иже посла Кузмѣ еп(и)с(ко)пу масумьскому (*так!*), высочайшъ разумѣ имущъ, и рассуженъ велье, не вся бо всѣмъ разумѣ-

---

⁷⁹ Обычно *господином* (*kyr*) называли игумена, см., напр.: Акты социально-экономической истории... Т. 2. С. 51 (№ 84). В Кириллове в XVI в. название *господин* использовали и при посещении другого брата для беседы: в «Чине прихождения брата к брату», см.: *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь... Т. 2. С. 226–228.

⁸⁰ См.: *Cameron A.* The Greek Anthology from Meleager to Planudes. Oxford, 1993. P. 111, сн. 33.

⁸¹ Кир.-Бел., № 10/1087, л. 298: «Житие и жизнь. иже въ с(вя)т(ы)хъ пр(е)п(о)д(о)бн(а)го и богоноснаго о(т)ца нашего *великаго г(о)с(поди)на* Иоанна Дамаскинскаго, и мало исповѣданіе от чудесь его. списано Иоанномъ патриархомъ антиохійскимъ. Г(о)с(поди) бл(а)г(о)с(ло)ви о(т)че». Слов *великаго г(о)с(поди)на* нет ни в греческом оригинале (ср. PG. Т. 94. Col. 429), ни в других известных нам славянских списках Жития Иоанна Дамаскина (ср., напр.: ВМЧ. Декабрь, дни 1—5... Стб. 104).

ваема, но и многая многимъ неудобъ разумѣваема, и требующимъ испытанья. Слава Б(о)гу всячьскихъ ради, аминь».⁸²

Можно предположить, что до 1441 г. Олешка пользовался Диалектикой в качестве учебного пособия (в действительности таков и был первичный замысел таких философских очерков в Византии). Увлечение учеников Олешки этим трудом в годы, предшествующие 1441 г., или, что более вероятно, их стремление понять сложный текст подвигли одного из них попросить своего учителя написать Житие Иоанна Дамаскина для того, чтобы больше узнать об этом авторе, просьба, которую Олешка охотно выполнил. Послушники нашли, что Философские главы действительно «неудобъ разумны», и нуждались в опыте для прочтения. Поэтому, скопировав текст Диалектики в 1446 г. для своего игумена, Олешка написал приписку-предупреждение. По-видимому, его увещевание принималось всерьез по меньшей мере до конца XV в., когда был составлен монастырский каталог четьих книг. В отличие от Соф., № 1248,⁸³ сборник Кир.-Бел., № 10/1087 (хоть и содержащий помимо Диалектики Житие Евпраксии)⁸⁴ не был включен в этот каталог. Этот факт заставляет предположить, что Диалектика стала индивидуальным чтением, доступным лишь избранным, читающей элите Кириллова монастыря.⁸⁵

В некоторых тетрадах, составляющих заключительные части Кир.-Бел., № 10/1087 (л. 283–381 об.), можно найти ценную информацию, касающуюся обучения послушников в Кирилловом монастыре при Трифоне. Тетрадь, содержащая л. 283–290 об., начинается «черновиком» текста конца Диалектики. Этот фрагмент написан рукой Олешки. При этом л. 283–286 об. совпадают с тетрадью, начинающейся с л. 86 в «чистовике», тогда как тетрадь, содержащая л. 321–326 об., включает в себя подобный «черновик» отрывка из Книги о Троице и вере, при этом л. 321–323 совпадают с текстом в

---

⁸² Н. К. Гаврюшин был первым, кто заметил Олешкину приписку, см.: *Гаврюшин Н. К. О ранних списках славяно-русской «Диалектики» // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1986. Вып. 45. С. 280. Приписки нет и в других списках Диалектики.*

⁸³ См.: *Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1898. С. 10 (№ 132) и 103 (№ XV, идентифицирована как Соф., № 1248 только после публикации, поэтому рукопись не присутствует в таблицах соответствия, ср.: С. 240).*

⁸⁴ Кир.-Бел., № 10/1087, л. 335–361 об. (хотя и написанные другой рукой, эти тетради, без сомнения, входили в рукопись во время составления каталога в конце XV в.).

⁸⁵ Сборник Кир.-Бел., № 10/1087 вошел в реестр книг 1601 г. См.: *Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года / Сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шаромазов. СПб., 1998. С. 125, 297 (К66).*

тетради, начинающейся на л. 166, опять-таки в «чистовике».⁸⁶ Почерк Олешки в тетрадах, непосредственно предшествующих «чистовикам», вполне сходен с почерком в незаконченных «черновиках», и это наводит на мысль, что он оставлял черновые тетради незавершенными и переписывал материал на новую бумагу (более удобным почерком, уменьшая размер букв, но по-прежнему по 25 строк на странице). Вероятно, Олешка не стал использовать «черновые тетради» из-за того, что бумага была повреждена водой, и это создавало помехи письму. Или, точнее, он отдал эти тетради ученику, чтобы тот набил руку в письме.

Вышеупомянутый ученик стал переписывать отрывки из Толковой палеи на л. 287, но начал с самого верха листа, не смог добавить киноварное заглавие и «втиснул» его в нижнее поле «черновика» Олешки на л. 286 об.⁸⁷ Во втором комплекте непригодных к использованию тетрадей он начал писать на оборотной стороне листа Олешки (л. 323), оставил место для киноварной буквы, но так и не написал ее.⁸⁸ Он быстро сообразил, как трудно писать на этих листах, и жаловался на полях: «рекошат пера сег(о) добро ли бу[деть]» (л. 291), но затем понял, в чем дело: «сее иже в мори сп(а)с(ен)ы [т. е. листы?]» (л. 292). Листы так сильно пострадали от воды, что писец был не в состоянии писать на оборотной стороне л. 299 и 303, поскольку чернила просочились с лицевой стороны листов. Звали этого писца Иларион, как можно заключить из его молитвы, оставленной на поле л. 291: «Г(о)с(под)и помоз(и) рабу своем(у) Илариону. Рука бы ему крѣпка писат(и), а ум бы ем(у) цѣл и разум на всяк(о) дѣло бл(а)го». Последние слова молитвы напоминают приписку Олешки на л. 282.⁸⁹ Это — молитва писца-ученика, которого волнуют будущее его труда и его собственное будущее. Иларион имел в своем распоряжении поврежденные тетради Олешки, которые он исписал, почти с полной уверенностью можно сказать, упражняясь, для практики, различными текстами, что подтверждает предположение, что он являлся учеником Олешки. Он переписывал эти тексты не по заказу, так как частично использовал поврежденную, негодную бумагу. Отрывки эти также не похожи на тексты, переписываемые для созерцательных упражнений, но, напротив, взяты из историографических и космо-

⁸⁶ Второй фрагмент, обрывающийся на середине л. 323, совпадает с текстом «чистовика» на л. 168.

⁸⁷ Таким образом, название текста находится на л. 286 об.—287: «Сия книга Палея толковая».

⁸⁸ Так, на л. 323 об.: «[С](вя)т(а)го Максима слов(о)».

⁸⁹ Молитва повторяется в сокращенном виде на поле последнего листа, написанного Иларионом (л. 334 об.). Гаврюшин заметил молитву Илариона в Кир.-Бел., № 10/1087, см.: *Гаврюшин Н. К. «Диалектика» Иоанна Дамаскина на Руси: Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность.* Киев, 1987. С. 77.

графических текстов.⁹⁰ Может быть, этот писец проходил у Олешки обучение грамматике. В конце концов, у Илариона действительно твердая рука, но отнюдь не такое же твердое понимание текста-источника. В его списке Летописца вскоре патриарха Никифора немало ошибок, возникших по небрежности.⁹¹

Ближе к концу рукописи Кир.-Бел., № 10/1087 (л. 367—381 об.) обнаруживаются следы дальнейших этапов предполагаемого «общего курса» в Кирилловом монастыре. Очевидно, что писцы-ученики трудились над Диалектикой, поскольку отрывки из этой книги, сделанные неопытными руками, встречаются в последних тетрадах Кир.-Бел., № 10/1087, собранных вместе с тетрадами Олешки и Илариона в заключительных частях списка. Таким образом, человек, написавший л. 367—374 об., озаглавил свой первый лист так: «Философья есть начала есть (*так!*) всякия хитрости». ⁹² Это часть пятого (аристотелевского) определения философии из третьей главы Диалектики «О философии», которую этот ученик записал, может быть, имея в виду свое будущее профессиональное писца. Следующий писец (начиная с л. 375) переписывает сходные материалы из вводных, определяющих глав Диалектики. На л. 375 об.— 378 об. он копирует первую главу, «Ивана Домоскына (*так!*) о разумѣ», где автор определяет христианско-неоплатоническую цель философского образования и призывает читателя «исследовать, высматривать, спрашивать», и вторую главу «[О] мысли тово же (*так!*)», педагогическое очертание целого труда Иоанна (и прекрасный образец позднеантичного *schema isagogicum*),⁹³ на л. 378 об.— 379. Этот писец заканчивает свое упражнение с названием главы «О философии», после которого он вставляет календарное «Слово с(вя)тыхъ о(те)ць о пас(халии) жидов'стѣй». Его источник был тем же экземпляром Диалектики, который читал Олешка. Отрывок этого писца-ученика содержит чтения и ошибки, характерные для Олешкиного списка (*приимителець* вм. *приемителен*,⁹⁴ *с(е)р(д)ц(е)мь* вм. *помышлениемь*,⁹⁵ *прѣсожы* (*так!*) вм. *прѣложу*⁹⁶), а также полный (хотя и искаженный) текст приглашения на учебу, дефектный в списке Олешки: уче-

⁹⁰ Иларион переписал отрывки из Толковой пален (Кир.-Бел., № 10/1087, л. 286 об.— 301), Летописецъ вскоре Патриарха Никифора (л. 309—313), Индекс истинных книг (л. 313 об.— 316 об.), антилатинское Послание от Святыя горы (л. 317—320 об.), космографические фрагменты (л. 324 об.—333) и другие материалы.

⁹¹ *Пиотровская Е. К.* Византийские хроники... С. 126—128.

⁹² Ср.: *Weiher E.* Die Dialektik... S. 20 (л. 9а 5).

⁹³ Об «исагогических схемах» см.: *Mansfeld J.* Prolegomena: Questions to Be Settled Before the Study of an Author, or a Text. Leiden, 1994. Гл. 1.

⁹⁴ Кир.-Бел., № 10/1087, л. 12 об., 376. Ср.: *Weiher E.* Die Dialektik... S. 10 (л. 5а 4).

⁹⁵ Кир.-Бел., № 10/1087, л. 13, 376 об. Ср.: *Weiher E.* Die Dialektik... S. 12 (л. 5б 6).

⁹⁶ Кир.-Бел., № 10/1087, л. 14, 378. Ср.: *Weiher E.* Die Dialektik... S. 14 (л. 7а 3).

ник пишет «въспрянѣмъ (*так!*), взыщемъ, въспросимъ» (л. 377), где написано только «встягнѣмъ, взыщемъ» у Олешки (л. 13 об.).⁹⁷ В списке ученика есть признаки устного произношения («Ивана Домоскына»; «тово же»). Вполне возможно, что он писал под диктовку своего учителя в учебной ситуации, проходя «испытанье» чтения, переписывания и толкования «неудобъ разумных» текстов.

Взяв за основу агиобиографические тексты, списки, сделанные менее опытными монахами, заметки на полях и приписки книг, переписанных Олешкой, и содержание этих самых книг, можно попытаться восстановить педагогический процесс в Кирилловом монастыре при Трифоне. Приходившего в обитель бельца отправляли для обучения грамоте к дьяку. Затем он «отбывал службу» и постригался в монахи, после чего, если он по-прежнему проявлял способности, его вместе с некоторыми товарищами отправляли на обучение к старцу (может быть, тому же дьяку), который организовывал нечто вроде «кружка чтения» по образцу византийского «общего курса». В отличие от духовного наставника прежних времен, в келье которого должен был жить молодой монах, этот старец был его учителем. Он раздавал тетради, содержащие различные труды (индивидуально или всем ученикам вместе, это остается невыясненным); он иногда отдавал им непригодную к употреблению бумагу, чтобы они набили руку, переписывая некоторые из этих трудов (со списков или под диктовку). Читаемые и переписываемые книги могли иметь образовательный характер, но в то же время способствовали развитию рационального мышления у послушников. Таким образом, чтение и переписывание Диалектики и исторических и «естественнонаучных» книг свидетельствует о том, что монахи стремились приобрести навыки, начиная с простого переписывания и кончая адаптацией и толкованием текстов. Олешка утверждал, что приобрел эти навыки благодаря Симону и Спиридону; молодые послушники, возможно, научились этому у Олешки; и сам Трифон был инициатором и патроном этих педагогических реформ. «Искусство интерпретации», несводимое к прямому диалогу с книгой, было необходимым для толкования и комментирования текстов — деятельности, которая стала более распространенной в обители в XV в. В то время как принципы интерпретации «господина»-учителя занимали все более сильные позиции, толкование текстов переросло в полномасштабное редактирование. Олешка и его кружок недаром изучали Диалектику в 1440-х гг., поскольку их ученость в конечном счете привела к редакторским и герменевтическим нововведениям кирилло-белозерского книжника Ефросина и его поколения в последней трети XV в.⁹⁸

⁹⁷ Ср.: *Weiher E.* Die Dialektik... S. 12 (л. 6b 8).

⁹⁸ См.: *Романчук Р.* Автор...